

Анастасия Тарасова

Не остаться одной...

12+

Анастасия Николаевна Тарасова

Не остаться одной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70565281

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда кажется, что против тебя весь мир, несомненно найдутся люди, которые смогут это опровергнуть.

Анастасия Тарасова

Не остаться одной

Девять часов вечера и переполненная жёлтая ветка метро сопровождали меня по пути домой. Свободных мест снова не оказалось, и усталые ноги ели держат меня в колыхающемся, душном вагоне. Руки крепко вцепились в тяжёлые сумки, осторожным взглядом я осматриваю сидящих пассажиров, немного завидуя им. Люди равнодушными, абсолютно пустыми, чуть сонливыми глазами смотрят в телефон или в книгу. Кто-то беспечно, спокойно покачивается в ритм колёс и засыпает. Музыка из моих наушников приглушает шум старого поезда и тут же уносит меня в полусон. «Станция Новогиреево» – доносится из динамиков информатора, и я открываю глаза. Беспощадная толпа выбирается из поезда вместе со мной и направляется к дверям, двигаясь к первому выходу метро меня подталкивают, будто играют мной в мяч, откидывая то в одну сторону, то в другую, поочередно обгоняя или тормозя на пути. Я не спеша, лениво открываю тяжеловесную дверь, выпускающую из метро, и оказываюсь на улице. Свежий морозный ветер холодит мои щёки. Яркое мерцание от встречных магазинов указывает мне привычный путь. Я иду, делая шаг за шагом по скользящей, заметённой снегом дорожке, боясь поскольз-

нуться. Справа остановки, подъезжающие автобусы, и то же столпотворение народа. Слева прилавки с шаурмой, кофе, табаком. Громкая восточная музыка перебивает звуки моего плейлиста, и я вынуждена отключить Bluetooth-соединение с наушниками. Дом, куда я иду, покажется только через десять минут, а пока мне предстоит преодолеть один светофор, два перекрестка и километр пути. Зимний вечер и ярко освещённый огнями район тешат моё сердце теплом. Как я привыкла к этому месту. Оно не кажется мне уже таким чужим. В порыве нахлынувших приятных чувств я, снимая тёплые варежки, набираю номер мамы. Звоню, слышу её голос и начинаю непрерывно рассказывать ей о своём дне. Она слушает меня внимательно, спрашивает о чём-то, но о себе как обычно ничего не говорит. Она обязательно в процессе моего монолога перебьёт меня и спросит: «Там кто-нибудь ходит из людей в такое позднее время?», и я отвечу, что да. Она успокоится и продолжит слушать меня дальше. А мимо действительно проносятся люди, так же спешно и торопливо. Но я иду в своём размеренном темпе, наслаждаясь свежим воздухом и светом от окон многоэтажных домов. Шумные автобусы, машины проносятся мимо и скрываются за светофором в далёком ночном горизонте. Территория, на которой строится новый дом для реновации, перекрывает мне путь, приходится обходить по узкой, тесной деревянной дорожке, сталкиваясь с прохожими. Как только я прохожу стройку, останавливаюсь на перекрестке, заворачи-

ваю направо и вижу дом с синей табличкой, которая указывает адрес. Тускло освещающий фонарь прокладывает мне тропинку до шестого подъезда, я направляюсь туда. Поднимаю голову, смотрю на знакомые окна пятого этажа и вижу, что на кухне и в комнате по-прежнему горит свет. Они дома, ждут меня. Я смотрю на этот дом, окутанный белым ураганом снежных хлопьев, и не верю, что пережила здесь весну, лето, осень...

В начале мая я приехала сюда поздним вечером. Было не по-весеннему холодно, окрестности района озаряло полнолуние, отчего воздух казался ледяным. В тот момент я чувствовала себя самой беспомощной, потому что столкнулась в тот вечер со смертью, супротивиться которой может только святой. Днём перед случившимся я как обычно находилась на работе, ничего не предчувствуя. С работы отпустили меня пораньше, будто подавая знак «Торопись, торопись!». Но я не успела. Прибыв на станцию «Владыкино», я спокойно вышла к остановке, дождалась своего автобуса, который отвёз меня на улицу Академика Королёва, где жила моя тётя, у которой я обрела временный приют. Прожила я у неё совсем недолго, но за это короткое время так привыкла к этой маленькой уютной комнате, в который мы теснились с ней вдвоём, к этому тихому району, к школе рядом с нашим двором, к ароматной пекарне возле дома, к виду на Останкинскую башню, к Ботаническому саду, пролегающе-

му вдоль шоссе, недалеко от нашего дома, где ещё осенью мы прогуливались с тётёй под ручку. Но в тот вечер, когда я спрыгнула с автобуса № 76, забежала в продуктовый магазин за сосисками и хлебом, и вернулась в квартиру тётёи, то обнаружила её мертвой. Она лежала на своей кровати, с чуть приоткрытым левым глазом и не дышала. Я, ещё не осознавая, что происходит, дёрнула её за плечо и окликала по имени. Она не реагировала, а я уже не могла себя контролировать. Всё тело было охвачено ознобом. Я схватилась за телефон тётёи, который лежал рядом с ней, и позвонила её близким людям, с которыми в последнее время я поддерживала связь. Они обещались приехать, а пока мне оставалось вызвать скорую. Так я и сделала. Потом, набрав маме, я, уже не сдерживая себя, рыдала в трубку. У меня немел язык и как будто отказывали руки. Я, испугавшись ещё больше, уже не могла находиться в квартире и убежала на улицу. Мама пыталась меня успокоить, но я продолжала безысходно вопить, как зверь. Я винила в смерти тётёи себя – мол, не приехала вовремя, не успела её спасти, не успела вызвать скорую. Однако мама убеждала, что всё произошло именно так, как было суждено, но я продолжала настаивать на своём. Прохожие оглядывались на меня, но сдерживать свои эмоции я была не в силах. Спустя пару минут я вспомнила, что не закрыла квартиру. И снова зайдя туда, я решила выпить корвалол из-за страха, что могу потерять контроль над собой. Всё это время мама была со мной на связи. Я рыскала по полкам

старого шкафа в поиске аптечки, ничего не находила, и меня ещё больше охватывало волнение. Буйная фантазия загоняла меня в угол, как маленького ребёнка. Я боялась оставаться в квартире, но срочно нуждалась в дозе успокоительного. Корвалол, который я покупала тёте накануне, так и не попался мне среди целой стопки, как оказалось, ненужных лекарств. Мама посоветовала заглянуть в холодильник. И вот оно спасение – корвалол действительно оказался там. Накопив себе несчитанное количество капель, я запила их водой в надежде, что они быстро приведут меня в чувство. Шум во дворе отвлёк меня. Выглянув в окно, я увидела бригаду скорой помощи, благо та быстро среагировала на вызов. Я встретила врачей у входа в квартиру, они прошли, осмотрели тело и дали заключение: «смерть». Пока они заполняли бумажки и опрашивали меня о случившемся, мобильный и домашний телефоны тети разрывались от звонков. Медики известили меня о том, что теперь будут звонить ритуальные коллекторы, о существовании которых я даже не знала. Решив ответить на один из звонков, в трубке я услышала непрерывную речь молодого человека, который заявил о скором приезде полиции, судмедэксперта, работника ритуальных услуг и т. д и т. п. Я уже не хотела его слушать, потому что от такого потока информации у меня закружилась голова и на секунду показалось, что это всё сон. Но почему же я не просыпаюсь? Скорая уехала, предупредив меня о том, что скоро приедут забирать тело в морг, но до этого должна

прибыть полиция и осмотреть тело на наличие следов возможного убийства. Проводив их, я тоже спустилась на улицу. Боясь прохожих, этой уличной тишины, этого дома, я снова набрала номер мамы. Бром, входящий в состав корвалола, начал действовать, и я, немного успокоившись, начала рассказывать маме обо всём уже сдержаннее и подробнее. Тем временем во дворе дома припарковалась крутая дорогая иномарка, которых никогда раньше здесь не встречалось. Из машины вышел молодой человек и принялся с неким интересом рассматривать меня. Я стояла около подъезда и продолжала диалог с мамой. Он подошёл ближе, остановился у двери и, нависая над домофоном и долго не заходя внутрь, подслушивал мой разговор. Сначала он показался мне подозрительным, а потом я подумала, что это, возможно, племянник тёти, которого я никогда не видела раньше, но была наслышана о нём. Я решила зайти в подъезд сразу же за ним. Ещё на первом этаже я услышала, как раздаётся гулкий звонок в тётинной квартире, и заторопилась. Встретившись с ним взглядом на лестничной площадке, я спросила:

– Вы, племянник?

– Нет. Я из ритуальной компании...

Я разочарованно оглядела его с ног до головы и заявила:

– Все разговоры будем вести в присутствии полиции и родственников.

Он согласился и следом за мной вышел на улицу. Буквально через пару минут подъехала знакомая тёти – Юля со своим мужем, а следом же подъехала полиция и тот самый племянник. Мы зашли в квартиру. Я дала полиции свои показания в письменной форме, обвесила все зеркала в доме полотенцами и собрала свои оставшиеся вещи в рюкзак. Всё происходящее далее не имеет значения и не ничем не украсит повествование. Обычные взрослые разговоры о морге, захоронении и так далее, которые я никак не хотела воспринимать. Когда все разговоры закончились, встал вопрос о том, где мне провести эту страшную и кажущуюся бесконечной ночь. Вариантов было немного, а точнее один – зал ожидания на Павелецком вокзале, с которого утром я отправлюсь домой. И из головы всё никак не выходила мысль: в эту квартиру я больше никогда не вернусь. Но самым ужасным исходом мне казалось снова возвращаться к себе в деревню, в пригород, где не было никаких перспектив для будущего. И вот когда я всерьёз настроилась на самое худшее, Юля неожиданно пригласила меня переночевать у них, а точнее, у её мамы и бабушки.

Тогда-то в майскую ночь я и приехала сюда. Юля проводила меня до квартиры. Звонок в дверь и долгая тишина, ко-

торуую всё-таки прервала милая женщина с маленькой собачкой на руках, открывшая нам дверь. Это Юлина мама – тётя Лена. За ней в коридоре стояла пожилая женщина – бабушка Лидия Ефимовна, дружелюбно встречающая нас и в то же время горько плачущая. В квартире помимо них находилось ещё три жильца, а именно: две кошки и большой рыжий озорной кот. Таблетки от аллергии я взяла не напрасно, тогда они мне пригодились. Ну а Юля, передав меня в надёжные руки, собралась уходить к себе. Я на прощание крепко обняла её и поблагодарила за её помощь и радушие. Тетя Лена и Лидия Ефимовна засуетились на кухне, подогревая мне чай и нарезая бутерброды. Я отказывалась, потому что была не голодна, да и аппетита совершенно не было. Но они были гостеприимны и добры ко мне. Они не мучали меня допросом о подробностях случившегося. Я мирно пила чай за столом, Лидия Ефимовна, усевшись рядом, что-то рассказывала, а тётя Лена мыла скопившуюся посуду. Они настаивали на том, что если теперь мне негде жить в Москве, то я могу ночевать у них. Они знали, что возможность жить по-прежнему в тётинной квартире у меня есть, но туда я вряд ли вернусь. Без неё теперь там было пусто и невыносимо тоскливо. В тот вечер эти гостеприимные добрые люди выделили мне отдельную комнату. Я легла на удобный диванчик и укрылась тёплым пледом, по телевизору транслировался мультфильм, и я наконец-то полностью смогла успокоиться, а после и осознать всё произошедшее. Вскоре я буду возвращаться сюда

ещё много-много раз и каждый раз буду восхищаться этими людьми, которые приютили совершенно чужого человека у себя и подарили ему покой. Не будь их, я жила бы в зачуханном грязном хостеле с незнакомыми подозрительными людьми, полностью потерявшая себя. Впоследствии за прожитое лето и осень я очень привыкла к ним, прониклась рассказами Лидии Ефимовны о её жизни, о молодости, о детстве и по-настоящему увидела в ней человека с открытым большим сердцем. Полюбила вечера с тётёй Леной, когда мы разгадывали кроссворды или смотрели «Дом-2», активно обсуждая участников, что особенно веселило меня. А перед сном мы желали друг другу доброй ночи, и тётя Лена забирала озорного кота к себе в комнату, чтобы он не мешал мне спать.